

Jak Marriten

МВ-80

СОДЕРЖИТСЯ ~~СЕКРЕТНАЯ~~ ИНФОРМАЦИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ВЕЩЕЙ,
НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ
ОПИСАНИЮ

СОВЕРШЕННО ~~СЕКРЕТНО~~

ДОПУСК
ТОЛЬКО ДЛЯ
ПОСВЯЩЕННЫХ

Jak Marriten

**Перечень вещей, не
подлежащих описанию**

«Автор»

2026

Marriten J.

Перечень вещей, не подлежащих описанию / J. Marriten —
«Автор», 2026

Кирилл Сомов устраивается в странное бюро, где хранят вещи, которые нельзя описывать. Их нельзя называть, фотографировать, обсуждать с коллегами. Первая же вещь выходит из ожидания, и Кирилл оказывается втянут в водоворот, где каждое слово меняет реальность, а Перечень из восемнадцати позиций оказывается лестницей вниз — к нулевой точке, где исчезает само время. «Перечень вещей, не подлежащих описанию» — умный, липкий и очень русский мистический триллер о власти языка и цене, которую мы платим за память.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Пункт первый — без названия	7
Глава 2. Вещь вторая — изъята из описания	11
Глава 4. Вещь четвёртая — требует свидетеля	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Jak Marriten

Перечень вещей, не подлежащих описанию

Предисловие

Кирилл Сомов попал в Бюро случайно, как попадают под дождь — вроде бы шёл по своим делам, и вдруг оказался мокрым до нитки. Всю предыдущую жизнь он проработал в банке, в отделе кредитного мониторинга, где единственной опасностью был карьеризм от офисного печенья. Банк лопнул в одночасье, и Кирилл три месяца безрезультатно рассылал резюме, пока однажды вечером ему не пришло письмо с неизвестного адреса.

В письме говорилось, что некая организация под названием «Бюро специального хранения» заинтересована в его кандидатуре, собеседование назначено на завтра, адрес во вложении. Кирилл, который к тому моменту уже согласился бы мыть полы, надел единственный чистый костюм и поехал. Адрес привёл его в семиэтажное здание из серого кирпича на восточной окраине Москвы. Здание было старым, но не обшарпанным — скорее незаметным, из той породы домов, на которые смотришь каждый день, но не можешь вспомнить, что за вывеска над входом. Над входом висела скромная табличка: «БСХ. Инвентаризация и учёт». Проходная, турникет, охранник с планшетом — всё как в любом учреждении, но Кирилл сразу заметил, что охранник не просто сверяет паспорт, а записывает данные в толстый журнал, не доверяя электронике.

Потом его провели в кабинет на пятом этаже, где сидел человек, представившийся Виктором Павловичем, — сухой, жилистый мужчина лет шестидесяти с лицом человека, который знает больше, чем говорит. Он не стал ходить вокруг да около. «Работа простая, — сказал он, глядя не на Кирилла, а куда-то поверх его плеча. — Вы ведёте реестр. В реестре восемнадцать позиций. Каждая позиция — это объект. Объекты нельзя описывать. Нельзя фотографировать.

Нельзя обсуждать с коллегами. Ваша задача — фиксировать изменения статуса. Если объект меняет статус, вы вносите новую запись. Всё». Кирилл спросил, что это за объекты. Виктор Павлович впервые посмотрел ему прямо в глаза и ответил: «Вам этого знать не нужно. И мне не нужно. Никому не нужно. Чем меньше вы знаете, тем дольше здесь проработаете». Зарплату он назвал такую, что Кирилл переспросил дважды. Сто пятьдесят тысяч в месяц за заполнение реестра из восемнадцати строк. Он согласился, не раздумывая.

В первый рабочий день ему выдали ключ от кабинета номер четыреста двенадцать на четвёртом этаже, пароль от внутренней сети и тонкую картонную папку с тканевыми завязками. На обложке папки значилось: «ПВ-00. Перечень объектов, не подлежащих описанию». Внутри лежал один-единственный лист кремовой бумаги с водяными знаками, на котором убогим машинописным шрифтом были перечислены восемнадцать пунктов. Первый пункт гласил: «Объект П-01 — без названия. Ответственный: Сомов К. А. Статус: в состоянии ожидания».

Остальные семнадцать были замазаны чёрным маркером так густо, что бумага стала ломкой и крошилась по краям. Кирилл полистал папку, заглянул под обложку, проверил кармашек на обратной стороне — больше ничего не было. Он положил папку в ящик стола и попытался включить компьютер, но тот потребовал пароль, которого у Кирилла не оказалось. Он позвонил в IT-отдел — никто не ответил. Тогда он вышел в коридор, чтобы найти хоть одного живого сотрудника, но коридор был пуст, и только из-за дальней двери доносилось монотонное гудение, похожее на работу старого ксерокса. Кирилл постучал в эту дверь — гудение прекратилось, но никто не открыл.

Он вернулся в кабинет, сел за стол и просидел так до обеда, разглядывая папку и размышляя, во что он ввязался. В час дня он спустился в столовую, где наконец увидел людей. Столовая была небольшая, на десять столиков, и за одним из них сидел парень в наушниках, а за другим — женщина лет сорока в сером кардигане, которая пила чай и читала книгу. Кирилл взял кофе и сел за свободный столик. Парень в наушниках поднял глаза, снял один наушник и сказал: «Ты новенький?» Кирилл кивнул. Парень усмехнулся: «Поздравляю. Не открывай папку. И не думай о первом пункте. Они это чувствуют». Кирилл хотел спросить, кто «они», но парень снова надел наушник и отвернулся. Женщина в сером кардигане, не отрываясь от книги, добавила: «И не ешьте здешнюю рыбу. Она всегда пересолена». Больше никто с ним в тот день не разговаривал.

Глава 1. Пункт первый — без названия

Первую неделю Кирилл не делал ничего. Он приходил в кабинет к девяти, садился за стол, клал перед собой папку и смотрел в стену. Он всё ещё не понимал, в чём заключается его работа. В банке у него были чёткие инструкции: проверить кредитную историю, сверить доходы, рассчитать коэффициент риска, дать заключение. Здесь инструкций не было — только фраза куратора: «фиксируйте изменения статуса».

Но статус первого пункта не менялся: «в состоянии ожидания» — и всё. Кирилл пробовал читать внутренние регламенты, но доступ к ним был закрыт. Пробовал искать информацию в интернете — Бюро не гуглилось вообще, как будто его не существовало.

Пробовал заговаривать с коллегами в столовой — они отвечали односложно и быстро уходили. На пятый день он решил, что, возможно, вся эта контора — какая-то теневая бухгалтерия, а его должность — синекура, которую дают по знакомству. Он перестал забивать голову и начал приносить с собой бутерброды, термос с чаем и старый ноутбук, на котором смотрел сериалы в наушниках. Папка лежала в ящике стола, и он про неё почти не вспоминал.

Почти.

Было кое-что, что мешало ему расслабиться полностью. Каждую ночь, примерно в одно и то же время, он просыпался. Не от шума, не от кошмара — просто открывал глаза и обнаруживал, что лежит в темноте, совершенно бодрый, с ощущением, что в комнате кто-то есть. Он включал свет — комната была пуста. Проверял дверь — заперта. Выглядывал в глазок — на площадке никого. Тогда он возвращался в постель и лежал, прислушиваясь. И каждый раз, прежде чем провалиться обратно в сон, он слышал звук.

Очень тихий, на грани слышимости — как будто кто-то проводит ногтем по картону. Кирилл говорил себе, что это трубы, что это соседи, что старые дома всегда живут своей жизнью по ночам. Но звук был слишком ритмичным, слишком осмысленным, чтобы быть случайным. И каждую ночь он становился чуть-чуть громче.

Утром восьмого дня Кирилл пришёл на работу и обнаружил, что ящик стола открыт. Он точно помнил, что запирает его накануне — ключ повернул, проверил, дёрнул ручку. Теперь ящик был выдвинут на сантиметр, и из него тянуло холодом. Кирилл выдвинул его до конца и увидел, что папка лежит не так, как он её оставлял: обложкой вниз, хотя он всегда клал её обложкой вверх. Он открыл папку и замер. Строчка о статусе первого объекта изменилась.

Теперь там значилось: «Объект П-01 — без названия. Ответственный: Сомов К. А. Статус: вышел из ожидания». Ниже, от руки, знакомым почерком куратора, было приписано: «Контакт через семь дней». Кирилл захлопнул папку и тут же схватился за телефон, чтобы позвонить куратору. Но в трубке что-то щёлкнуло, и механический голос сообщил, что абонент временно заблокирован. Тогда он сам пошёл в кабинет куратора. Дверь была заперта, но изнутри доносился звук — не то бормотание, не то шорох. Кирилл постучал. Звук стих. Он постучал ещё раз. За дверью что-то упало, потом послышались шаги, и голос куратора произнёс: «Кто?» Кирилл назвался. Пауза. Затем куратор сказал, не открывая: «Сомов, не ходите сюда больше».

И не звоните. У вас семь дней. Используйте их с умом. Если захотите бежать — бегите. Это не помогает, но хотя бы попробуете». Кирилл стоял перед запертой дверью и чувствовал, как внутри у него всё сжимается — не от страха, а от злости. Он терпеть не мог, когда с ним разговаривают загадками. Он пришёл в эту контору, чтобы вести реестр, а не играть в молчанку с сумасшедшим стариком.

Он спустился в столовую, чтобы найти того парня в наушниках, но парня не было. Зато была женщина в сером кардигане. Она сидела на том же месте, что и неделю назад, и читала ту

же книгу. Кирилл без приглашения сел за её столик и сказал: «Мне нужна информация. Что такое объект П-01?»

Женщина подняла глаза от книги — и он увидел, что зрачки у неё разного размера, один заметно больше другого, что придавало её взгляду странное, почти нечеловеческое выражение. «Вы новый ответственный за первый пункт», — сказала она, и это был не вопрос. Кирилл кивнул. Она закрыла книгу, и Кирилл увидел, что это не книга вовсе, а папка, похожая на его собственную, только с другим номером на обложке. «П-07», — прочитал он. «Мой участок, — сказала женщина, перехватив его взгляд. — Уже четыре года. Я — Кира. Фамилию не спрашивайте, я её сменила.

Если вы здесь, значит, ваш объект уже вышел из ожидания. Поздравляю. Теперь у вас есть два варианта. Первый — делать всё по инструкции. Не называть объект, не описывать, не пытаться понять. Тогда он просто будет рядом. Иногда он будет давать о себе знать — звуками, запахами, перемещением предметов. Но он не войдёт в контакт. Второй вариант — нарушить инструкцию. Тогда контакт состоится. Что будет дальше, я не знаю, потому что те, кто нарушал, не возвращались. Или возвращались, но уже не в том виде». Кирилл спросил: «Что значит — не в том виде?» Кира отхлебнула чай и сказала: «Антонов, предыдущий ответственный за ваш пункт, нарушил инструкцию через три месяца после назначения.

Он начал описывать объект. Сначала устно — он рассказывал о нём каждому, кто соглашался слушать. Потом письменно — я сама видела его записи, он пытался составить каталог свойств. Через неделю он исчез. А через месяц вернулся.

Но он не вошёл в здание — он стоял на той стороне улицы и смотрел на окна. Я его видела. Он стоял, не двигаясь, и его глаза... — она запнулась. — У него были глаза человека, который уже не пользуется зрением. Не потому что ослеп, а потому что ему оно не нужно. Он видел что-то другое».

Кирилл слушал и чувствовал, как холод, который раньше был только в ящике стола, теперь поднимается по ногам. Он спросил: «Что именно описывал Антонов?» Кира пожала плечами: «Этого я не знаю. Его записи изъяли. Но могу сказать, что первый пункт — самый простой. Он без названия. Это значит, что объект ещё не определён. Он как глина, из которой можно вылепить что угодно.

Если вы дадите ему название, вы придадите ему форму. Если опишете — дадите свойства. И тогда он станет конкретным. А конкретное уже нельзя будет запихнуть обратно в папку». Она встала, сунула свою папку под мышку и, уже уходя, бросила через плечо: «Мой вам совет — не пытайтесь повторить путь Антонова. Просто делайте свою работу и не задавайте вопросов. Это скучно, но безопасно. А если вам станет совсем тоскливо, вспомните, что есть ещё семнадцать пунктов, и каждый хуже предыдущего».

Кирилл остался в столовой один. Он допил остывший кофе и попытался разложить всё, что услышал, по полочкам. Факты были такие: он — ответственный за объект, который нельзя называть. Объект вышел из ожидания и через семь дней войдёт в контакт. Если он будет соблюдать инструкцию, контакт, возможно, не состоится. Если нарушит — случится то же, что с Антоновым. Что именно случилось с Антоновым, Кира объяснила туманно, но достаточно, чтобы Кирилл почувствовал, как у него вспотели ладони. Он вернулся в кабинет и первым делом проверил папку. Статус был прежним: «вышел из ожидания», но теперь появилась приписка — его собственным почерком, хотя он не прикасался к папке:

«Осталось шесть дней». Кирилл скомкал лист в кулаке, потом опомнился, разгладил, убрал в папку, завязал завязки и положил папку в сейф. Ключ он повесил на шнурок и надел на шею. Теперь папка будет при нём. Он не знал, поможет ли это, но по крайней мере так она не сможет перемещаться сама по себе.

Дома он первым делом проверил все углы. Заглянул под кровать, в шкаф, в ванную за шторку. Никого. Он сел на кухне и попытался ужинать, но еда не лезла в горло. Тогда он открыл

ноутбук и набрал в поиске: «Антонов Р. Л. Москва пропавший». Поиск выдал три результата — все газетные заметки десятилетней давности. Антонов Роман Леонидович, сорок два года, сотрудник режимного учреждения, пропал без вести в феврале. Тело не найдено. Родственники обращались в полицию, но дело закрыли через год за отсутствием состава.

В одной из заметок упоминалось, что Антонов в последние недели перед исчезновением вёл себя странно: жаловался коллегам, что за ним кто-то следит, что он слышит шаги в пустом коридоре и что какой-то предмет на его столе меняет положение, пока он отворачивается. Кирилл закрыл ноутбук и долго сидел в темноте, слушая, как на кухне капает кран. Капля падала раз в четыре секунды — он засёк по часам. Раньше кран не капал.

На шестой день он пришёл в Бюро и обнаружил, что его кабинет опечатан. На двери висел лист бумаги с печатью и подписью куратора: «Сотрудник Сомов отстранён от работы до выяснения обстоятельств. Допуск аннулирован». Кирилл сорвал печать, открыл дверь своим ключом и вошёл. Кабинет был пуст.

Ни стола, ни стула, ни шкафа — только голые стены и провод, свисающий с потолка. Сейф исчез. Папка исчезла. На полу, в том месте, где раньше стоял его стол, лежал белый лист бумаги. Кирилл поднял его. На листе было написано его собственным почерком: «Ты хотел знать, что я такое. Ты узнаешь. Завтра». Он смял лист и бросил в угол. Потом вышел из кабинета и направился к куратору, но на полпути его перехватил охранник и попросил покинуть здание. Кирилл попытался спорить, но охранник был вежлив и непреклонен:

«Распоряжение руководства. Вы больше не сотрудник. Пропуск аннулирован. Выходите». Он вышел на улицу, где снова валил снег, и остановился на крыльце, пытаясь перевернуть случившееся. Его уволили. Вернее, не уволили — отстранили. Но папка исчезла, а вместе с ней исчез и смысл его пребывания здесь. Он развернулся, чтобы уйти, и вдруг заметил краем глаза движение на четвёртом этаже.

В его бывшем кабинете горел свет, и в окне стоял человек. Человек смотрел на него в упор и не двигался. Кирилл не мог разглядеть лица, но фигура показалась ему знакомой. Он пригляделся и похолодел: в окне стоял он сам. Не кто-то похожий — именно он, в том же пальто, с тем же рюкзаком через плечо. Двойник поднял руку и помахал — медленно, как будто под водой. Кирилл отшатнулся, поскользнулся на мокром снегу и едва не упал.

Когда он восстановил равновесие и снова посмотрел вверх, окно было тёмным и пустым.

Весь оставшийся день он провёл в городе, бесцельно шатаюсь по улицам и пытаюсь понять, что ему делать. К вечеру он вернулся домой, открыл дверь и сразу понял: что-то не так. В прихожей стоял запах — тот самый сладковатый аптечный запах, который он чувствовал, когда впервые открыл папку. Он прошёл на кухню и увидел, что на столе лежит его папка. Та самая, которую он оставил в сейфе в опечатанном кабинете.

Завязки были развязаны, папка открыта, и на верхнем листе, поверх машинописного текста, красными чернилами было нацарапано: «Жду». И ниже: «Назови меня». Кирилл стоял над папкой, сжимая в руке связку ключей, и чувствовал, как по спине бежит струйка пота. Где-то в глубине квартиры что-то упало — не то книга, не то вешалка. Он не пошёл проверять. Он сел за стол, взял ручку и на мгновение замер. Ему вдруг отчаянно захотелось написать слово. Любое. Самое простое. «Вещь». «Нечто». «Объект». Что угодно, лишь бы заполнить пустую строку. Но вместо этого он закрыл папку, завязал завязки и положил её в морозильную камеру холодильника.

Потом взял телефон и набрал номер Киры — женщины в сером кардигане, — который она ему оставила на салфетке. Она ответила после четвёртого гудка. «Оно здесь, — сказал Кирилл. — У меня дома. Что мне делать?» Кира помолчала, а потом сказала очень тихо: «Не называйте его. Не пишите. Не думайте о нём. Это единственное, что работает. И — Кирилл? — не смотрите в зеркала. Антонов перед тем, как исчезнуть, говорил, что оно отражается».

Кирилл повесил трубку и медленно обернулся к зеркалу в прихожей. Из зеркала на него смотрело его собственное лицо — усталое, с красными прожилками в глазах, с щетиной на подбородке. Он долго вглядывался в своё отражение, пытаясь заметить хоть что-то необычное.

И когда он уже почти убедил себя, что Кира просто нагнетает, его отражение моргнуло. Не одновременно с ним — оно моргнуло на долю секунды позже, и в этом зазоре Кирилл увидел, что за его плечом, в тёмном проёме двери, стоит что-то, чего в комнате не было. Что-то, что не имело названия, но уже получило его внимание. Он отдёрнулся от зеркала, развернулся — дверной проём был пуст. Но воздух в этом месте был холоднее, чем в остальной квартире. И когда Кирилл вытянул руку, чтобы проверить, его пальцы коснулись чего-то невидимого, плотного, слегка пружинящего. Как резина. Как та самая глина, из которой можно вылепить что угодно. Он отдёрнул руку и, не раздеваясь, вышел из квартиры. Ночь он провёл в кругло-суточном кафе, глядя в чашку с остывшим чаем и прислушиваясь к шагам за окном. А когда на следующее утро он всё-таки вернулся домой, папка лежала на полу в прихожей, открытая.

И на верхнем листе теперь значилось: «Ты назвал меня. Ты ещё не знаешь об этом, но ты уже произнёс слово. Во сне. Этого достаточно. Контакт сегодня». Кирилл поднял папку, закрыл её, положил на тумбочку и сел на диван. Он не помнил, что ему снилось. Но теперь это не имело значения. Потому что он вдруг отчётливо понял, что в квартире больше не один. Не потому, что слышал кого-то, — потому, что воздух изменился. Стал плотнее. Приобрёл ту самую сладковатую ноту. И где-то на кухне, за его спиной, кто-то тихо, ритмично водил ногтем по картону.

Глава 2. Вещь вторая — изъята из описания

Кирилл проснулся в десять утра от того, что в дверь звонили. Звонок был долгим, настойчивым, с теми паузами, которые делают люди, точно знающие, что хозяин дома. Он встал, накинул куртку прямо на майку и подошёл к глазку. На площадке стояла Кира. Она была без шапки, волосы мокрые от снега, в руке — картонный стаканчик с кофе. Кирилл открыл дверь, и она сразу, без приветствия, сказала: «Вы живы. Это уже хорошо. Собирайтесь. Мы едем к человеку, который знает про вторую позицию больше, чем я».

— Кто? — спросил Кирилл.

— Его зовут Филин. Он работал в архиве двадцать лет. Он единственный, кто видел вторую вещь своими глазами и после этого не сошёл с ума. По крайней мере, не полностью.

Кирилл оделся, сунул в рюкзак три папки — он больше не оставлял их дома, потому что каждый раз, возвращаясь, находил на новом месте — и вышел следом за Кирой. Они спустились в метро. В вагоне было полупусто, пахло мокрой одеждой и электричеством. Кира сидела напротив и смотрела в одну точку на стене. Кирилл заметил, что её зрачки снова стали разного размера — тот, что пульсировал, теперь почти полностью закрывал радужку, оставляя только тонкий ободок серого цвета.

— Что с вашим глазом? — спросил он.

— Побочный эффект седьмой позиции, — ответила она, не оборачиваясь. — Она числится за отсутствующим, и этот отсутствующий иногда смотрит через меня. Я не знаю, где он и кто он, но иногда он включает моё зрение, как включают камеру на чужом ноутбуке. Я вижу то, что видит он, — кусок коридора, стену, дверь с номером. Один раз я видела вас. Вы стояли у окна в своём кабинете, и на вас был синий галстук, хотя вы никогда не носите галстук. Это было месяц назад. Вы тогда ещё не работали в Бюро.

Кирилл ничего не ответил. Он не носил галстуков, но спорить не стал.

Филин жил за МКАДом, в районе, который на картах обозначался как «посёлок городского типа», но на деле представлял собой скопление панельных пятиэтажек, перемежаемых частными домами с покосившимися заборами. Дом Филина стоял в конце тупиковой улицы, у самого леса, и выглядел так, словно его строили в несколько этапов, каждый раз передумывая насчёт планировки.

К крыльцу была приколочена жестяная табличка: «Осторожно, во дворе собака». Собаки во дворе не было, но на цепи висела пустая конура, и из неё тянуло тем же сладковатым аптечным запахом, который Кирилл уже научился узнавать.

Дверь открыл человек лет семидесяти, в растянутом свитере и валенках на босу ногу. У него было лицо человека, который давно не говорит с людьми, но много размышляет в одиночестве, — морщинистое, с подвижными бровями и цепким взглядом. Он оглядел Кирилла и Киру, хмыкнул и посторонился, пропуская их внутрь.

Внутри дом напоминал филиал архива, только без стеллажей. Повсюду лежали папки, коробки, свёртки, на стенах висели схемы, исписанные карандашом, на подоконниках громоздились стопки книг, перемежаемые пустыми чашками. Филин провёл их на кухню, где на газовой плите кипел чайник, и жестом предложил садиться.

— Значит, вторая проснулась, — сказал он, глядя на Кирилла. — Я чувствую её запах от вас. Сладкий, да? Она всегда так пахнет. Сначала сладко, потом гнилью. Вы уже слышали голоса?

— Слышал, — ответил Кирилл. — В архиве. В шкафу. Они повторяли мою фамилию.

Филин кивнул, как будто услышал именно то, что ожидал. Он снял чайник с плиты, разлил кипяток по кружкам, бросил в каждую по пакетик и сел напротив.

— Вторая позиция, — начал он, помешивая чай ложкой, — это не просто вещь, которую нельзя описать. Это вещь, которую уже описали один раз, а потом изъяли описание. Понимаете разницу? Её не просто запрещено описывать — её описание было украдено. Вырвано из реальности. Как вырывают страницу из книги. И теперь она ищет того, кто её описал.

Кирилл вспомнил протокол на плёнке. Селиванов описывал объект как «собеседника». Он вложил в него слово — и объект стал этим словом.

— Селиванов назвал его собеседником, — сказал он. — И оно начало говорить с ним.

— Селиванов, — Филин хмыкнул, — был умнее, чем о нём говорят. Он понял главное: эти объекты не существуют сами по себе. Они — отражения. Зеркала. Каждое слово, которое вы говорите о них, они возвращают вам. Но не как эхо — как действие. Если вы называете вещь собеседником, она начинает говорить. Если назовёте её оружием — она начнёт убивать. Если назовёте её дверью — она откроется. И никто не знает, что за ней. Поэтому единственный способ с ней работать — молчать. Но вы уже заговорили.

Кирилл вспомнил, как стоял перед дверью ванной и предлагал сделку первому объекту. Он заговорил. Он использовал слова. И П-01 отступило — или сделало вид, что отступило. Но П-02, вторая позиция, могла среагировать иначе.

— Что мне делать? — спросил он.

Филин отхлебнул чай, поморщился и поставил кружку на стол.

— Вам нужно найти описание. То самое, которое изъяли. Оно где-то хранится. Не в архиве Бюро — там только копии документов. Настоящее описание — то, что написал Селиванов, — спрятано. Я не знаю где, но я знаю, кто его прятал. Это был Кремер.

Тот самый, что вёл первую позицию до Антонова. Он понял, что описание нельзя уничтожить — можно только спрятать. И он спрятал его так, чтобы никто не нашёл, потому что если описание вернётся к объекту, он снова активизируется полностью. А полная активация второй позиции — это не голоса в коробке. Это нечто другое.

— Что именно? — спросила Кира. Она сидела, подавшись вперёд, и её разные зрачки, казалось, смотрели в разные стороны.

Филин посмотрел на неё долгим взглядом и ответил не сразу.

— Я видел это один раз, — сказал он наконец. — В девяносто восьмом. Кремер тогда пытался закрыть вторую позицию, но что-то пошло не так. Я был в архиве, когда это случилось. Сначала запах — такой же, как сейчас, только сильнее, гуще. Потом свет погас. А потом из коробки пошёл дым. Не простой дым — он был холодный, как из морозильной камеры.

И в этом дыму стояла фигура. Не человек. Не тень. Что-то, состоящее из голосов. Оно не двигалось, но оно говорило. И говорило оно голосом Селиванова, хотя Селиванов к тому времени уже десять лет как умер. Оно повторяло его последние слова. Те, что он сказал перед тем, как перестать есть.

— Какие слова? — тихо спросил Кирилл.

— «Оно не злое. Оно просто хочет, чтобы его слушали. Но никто не может слушать бесконечно».

Филин замолчал. Чайник на плите снова начал закипать, но никто не встал, чтобы его выключить. Кирилл смотрел на старика и пытался представить себе холодный дым, из которого говорит мёртвый человек. У него не получалось, но что-то подсказывало ему, что скоро у него появится шанс увидеть это лично.

— Где Кремер спрятал описание? — спросил он.

Филин встал, подошёл к старому комоду и выдвинул верхний ящик. Внутри лежали пожелтевшие газеты, перетянутые бечёвкой, старая лупа и конверт без адреса. Он достал конверт и протянул Кириллу.

— Кремер оставил мне это перед тем, как исчезнуть. Он сказал: «Если кто-то спросит про вторую позицию, отдай ему». Я ждал двадцать лет. Берите.

Кирилл вскрыл конверт. Внутри лежал сложенный вчетверо лист миллиметровки, на котором тем же убористым почерком, что и в записях Кремера, была начерчена схема. Это был план какого-то здания — не Бюро, а другого, более старого, с массивными стенами и сводчатыми перекрытиями. В центре плана был отмечен квадрат, подписанный одним словом: «Здесь». И ниже — приписка: «Не вскрывать. Не читать. Не описывать».

— Что это за здание? — спросил Кирилл.

— Старый корпус НИИ на Краснопресненской, — ответил Филин. — Его закрыли в девяностые, но подвалы остались. Там раньше хранили архивы, пока не построили новое здание Бюро. Если описание где-то и лежит, то там.

Кира взяла план из рук Кирилла, внимательно изучила и нахмурилась.

— Здесь ещё что-то, — сказала она. — Смотрите. В углу. Мелко.

Кирилл пригляделся. В нижнем правом углу схемы тем же почерком Кремера была сделана приписка, почти микроскопическая: «П-02 и П-01 связаны через описание. Если описание будет найдено, оба объекта перейдут в фазу слияния. Слияние необратимо.

Не допускайте контакта между ними». Кирилл перечитал это трижды. Фаза слияния. Значит, если он найдёт описание второй позиции, первая — та, что сейчас сидит в его ванной, — тоже активируется. И они сольются в нечто, чего никто раньше не видел.

— Ваш объект, — сказал Филин, глядя на Кирилла, — он уже говорил с вами? Вы дали ему имя?

— Нет. Я предложил сделку. Оно согласилось.

Филин покачал головой.

— Это не согласие. Это отсрочка. Они не умеют договариваться. Они умеют только ждать. И чем дольше вы тянете, тем сильнее оно становится. П-01 питается вниманием. Каждую секунду, пока вы о нём помните, оно растёт. А вы помните о нём постоянно.

Кирилл не ответил, но старик был прав. Он помнил о первом объекте всё время — даже когда думал о чём-то другом, даже во сне, даже сейчас, разговаривая с Филином. Объект сидел на краю сознания, как заноза, которую нельзя вытащить.

Кира сложила схему, убрала в конверт и встала.

— Мы поедem туда. На Краснопресненскую. Сегодня.

Филин посмотрел на неё и вдруг спросил:

— У вас седьмая позиция, верно? Числится за отсутствующим?

Кира кивнула.

— Вы знаете, кто её предыдущий ответственный?

— Нет. В документах его имя вымарано.

Филин помолчал, потом сказал:

— Его звали Иван Келлер. Он был моим другом. Он пропал в две тысячи первом, и с тех пор его никто не видел. Но его позиция осталась активной, а это значит, что он не прекратил существование. Он где-то есть. И его объект смотрит через вас не просто так. Он хочет, чтобы вы его нашли.

Кира ничего не ответила, но её рука, державшая конверт, побелела от напряжения.

Они вышли из дома Филина через полчаса. Снег усилился, и дорогу обратно до станции замело так, что следы исчезали через минуту. Кирилл шёл молча, прокручивая в голове всё, что услышал.

Схема Кремера лежала в его кармане. Старый корпус НИИ на Краснопресненской был где-то в промзоне, куда не ходил общественный транспорт. Им придётся искать его в темноте, в метель, рискуя наткнуться не только на охрану, но и на то, что охрана вряд ли могла остановить.

В электричке Кира вдруг повернулась к нему и сказала:

— Вы понимаете, что если мы найдём описание, ваш П-01 тоже активируется? Вы готовы к этому?

Кирилл посмотрел в окно на пролетающие мимо фонари.

— У меня нет выбора. Оно всё равно активируется. Рано или поздно. Лучше пусть это случится, когда я буду к этому готов.

— Вы не будете готовы, — сказала Кира. — К этому нельзя быть готовым. Но я поеду с вами.

Больше они не разговаривали до самой Москвы. Когда поезд нырнул в тоннель перед конечной станцией, Кирилл вдруг почувствовал, как что-то коснулось его плеча. Он обернулся — никого. Но на стекле, там, где он только что смотрел на своё отражение, остался след. Как будто кто-то провёл пальцем по запотевшему стеклу изнутри вагона. И след этот складывался в слово. В одно-единственное слово: «Слияние».

Кира перехватила его взгляд, посмотрела на стекло и быстро стёрла надпись рукавом.

— Оно знает, куда мы едем, — сказала она. — И оно хочет, чтобы мы успели.

Г

лава 3. Вещь третья — существует только в перечне

Старый корпус НИИ на Краснопресненской они нашли только к полуночи. Метель к тому времени перешла в ледяной дождь, и город обледенел так, что ветки деревьев звенели на ветру, как стеклянные.

Здание стояло в глубине промзоны, за ржавым забором, на котором ещё висела табличка с полустёртой надписью «Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной физики». Буквы «прикладной» кто-то закрасил чёрной краской, и теперь надпись читалась как «институт физики», что было почти насмешкой: физика в этом месте закончилась давно, уступив место чему-то, чего не описывал ни один учебник.

Кира первой перелезла через дыру в заборе, которую Филин отметил на схеме. Кирилл последовал за ней, стараясь не поскользнуться на обледенелых обломках кирпичей. Фонарь он держал в зубах, и его луч выхватывал из темноты то покосившуюся дверь, то груды мусора, то чьи-то следы на снегу — свежие, ещё не запорошенные дождём. Кира заметила их одновременно с ним и молча указала пальцем. Следы вели от забора к чёрному провалу подвального входа и там обрывались, словно тот, кто их оставил, спустился внутрь и не возвращался.

— Здесь кто-то был до нас, — шёпотом сказал Кирилл. — Может, сегодня.

— Может, час назад, — ответила Кира. Она достала из кармана маленький газовый баллончик — не от людей, от другого, — и первой шагнула в проём.

Внутри пахло не затхлостью, как ожидал Кирилл, а сухим, почти горячим воздухом, какой бывает в котельных.

Коридор вёл вниз, ступени были целыми, но покрытыми слоем какой-то чёрной пыли, которая не скрипела под ногами, а мягко пружинила, как резина. На стенах висели кабели — старые, в матерчатой оплётке, — и один из них, перебитый, искрил в дальнем конце коридора, отбрасывая на стены рваные синие тени. Кирилл сверился со схемой Кремера.

Согласно плану, им нужно было пройти через главный коридор, свернуть налево у развилки, спуститься ещё на один уровень и найти помещение, отмеченное как «Лаборатория 7». Именно там Кремер спрятал описание второй позиции — в сейфе, вмурованном в дальнюю стену.

Развилка оказалась именно там, где её рисовал Кремер, — разве что сам коридор был уже, чем на схеме, и слева от него зиял провал, которого на плане не было. Кирилл осветил вниз: провал уходил в темноту, и оттуда поднимался тёплый воздух с лёгким запахом аммиака. Где-то в глубине капала вода — размеренно, раз в несколько секунд, — и каждый раз после всплеска слышался тихий, едва различимый звук, похожий на всхлип.

— Там кто-то есть, — сказал Кирилл.

— Это не человек, — ответила Кира, не останавливаясь. — Идём. Лаборатория дальше.

Они свернули направо и упёрлись в стальную дверь с опечатанным замком. Печать была старая, сургучная, с оттиском двуглавого орла — такая же, как в архиве Бюро. Кира сломала её без колебаний. Замок поддался не сразу — Кириллу пришлось налечь на дверь плечом, — но когда сталь наконец сдвинулась, из лаборатории пахнуло таким холодом, что у обоих перехватило дыхание.

Помещение было небольшим — метров двадцать, не больше. Вдоль стен стояли стеллажи с приборами, назначения которых Кирилл не знал: осциллографы с круглыми экранами, самописцы с засохшей лентой, какие-то колбы в металлических штативах.

Всё это покрывал толстый слой изморози — не пыли, а именно изморози, словно лабораторию охлаждали специально. В дальнем углу, у стены, стоял массивный сейф — точно такой, как на схеме, с поворотным диском и массивной ручкой. Кирилл подошёл к нему и присел на корточки. На дверце сейфа кто-то мелом написал: «Не вскрывать. Здесь описание П-02. Читать только в присутствии третьей позиции». Подпись — «Кремер».

— Третья позиция, — медленно проговорил Кирилл. — У меня она с собой. В папке. Но что значит — «в присутствии»?

Кира стояла у него за спиной и смотрела на сейф.

— Третья позиция — это вещь, которая существует только в перечне. Она не материальна. Она — информация. Способ хранения. Возможно, Кремер считал, что описание второй позиции можно безопасно прочитать только тогда, когда рядом находится носитель третьей.

Потому что третья — это память. Она фиксирует всё, что происходит с Перечнем. Если с вами что-то случится, когда вы прочитаете описание, третья позиция сохранит этот факт. И передаст следующему ответственному.

— Как чёрный ящик, — сказал Кирилл.

— Скорее, как диктофон, который пишет не звук, а состояние. Включайте папку. Вернее, просто достаньте её. Она сама должна среагировать.

Кирилл снял рюкзак, вытащил третью папку — «существует только в перечне» — и положил её на пол рядом с сейфом. Папка мгновенно стала тёплой. От неё пошёл пар, и изморозь на полу вокруг неё начала таять, образуя идеально ровный круг, словно папка нагревалась изнутри.

Потом обложка раскрылась сама, и на единственном листе, который лежал внутри, начали проступать слова — не написанные, а именно проступающие, как проступает текст на бумаге, если поднести её к огню. «Ответственный Сомов К. А. Местоположение: лаборатория 7. Объект П-02 вскрыт. Объект П-03 активен. Фиксация начата».

— Она пишет протокол, — тихо сказал Кирилл. — Прямо сейчас. Пока мы здесь.

— Значит, Кремер был прав, — ответила Кира. — Открывайте сейф.

Кирилл взялся за поворотный диск. Тот был холодным до ожога, но он всё равно крутил его, сверяясь с комбинацией, которую нашёл на полях схемы Кремера: три цифры, дата исчезновения Селиванова. Замок щёлкнул, и тяжёлая дверца подалась.

Внутри сейфа лежала одна-единственная вещь: магнитофонная катушка в пластиковом футляре. Старая, ещё советская, с этикеткой «Запись № 17. Селиванов Г. П. — описание объекта П-02».

Рядом с катушкой лежал диктофон — такой же старый, с кнопкой воспроизведения, которая была заклеена полоской пожелтевшего скотча.

— Филин говорил, что запись хранится в архиве Бюро, — сказал Кирилл. — Но это — оригинал. Тот, что в архиве, — копия. А это — то, что Кремер спрятал.

— Почему он не уничтожил её? — спросила Кира.

— Потому что её нельзя уничтожить. Филин сказал: описание нельзя уничтожить, можно только спрятать. Если уничтожить, оно вернётся к объекту. А если спрятать и забыть — оно будет лежать здесь вечно.

Он взял диктофон, поставил на пол и снял скотч с кнопки. Кира села рядом с ним, скрестив ноги. Третья папка лежала между ними и продолжала излучать тепло, от которого в лаборатории начало расплзаться влажное пятно. Кирилл нажал кнопку.

Сначала из динамика донёлся только шорох — долгий, монотонный, как шум моря в раковине. Потом сквозь шорох прорезался голос. Он был глухим, с хрипотцой, как у человека, который долго молчал и отвык говорить.

«Четырнадцатое марта тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Ответственный Селиванов. Я нахожусь в лаборатории семь. Объект П-02 передо мной. Я предпринимаю попытку описания. Предупреждения мне известны. Я действую добровольно».

Пауза. Шорох усилился, потом стих. Голос продолжал — теперь медленнее, с паузами между фразами, словно Селиванов подбирал слова с огромным трудом:

«Объект представляет собой... нет, не так. Объект не представляет собой ничего. Он не имеет формы. Не имеет цвета. Не имеет массы. Но он занимает пространство. Я могу коснуться его, но не могу сказать, чего именно я касаюсь.

Это похоже на воздух, который приобрёл... плотность? Нет. Воздух не бывает таким. Это как... как тишина, которая стала твёрдой. Я знаю, это звучит бессмысленно. Но я пытаюсь быть точным. Я считаю, что объект является сгустком информационного поля, которое реагирует на вербальные стимулы. То есть — на слова. Когда я говорю с ним, он отвечает.

Не звуком. Он отвечает... вопросами. Он задаёт мне вопросы, которые я сам себе никогда не задавал. Откуда я знаю, что я — это я? Почему я боюсь темноты? Что я чувствовал, когда умерла моя мать? Он не спрашивает это вслух.

Он вкладывает эти вопросы мне в голову, и я не могу не отвечать. Я пытался молчать — не получается. Ответы приходят сами. Я думаю, что объект — это нечто вроде зеркала. Но зеркала, которое отражает не внешность, а... содержание. Память. Речь. Страхи. Он вынимает их из меня и показывает мне же. Я назвал его Собеседником. Это имя подходит. Оно говорит со мной моим же голосом. Я знаю, что это опасно. Но я не могу остановиться. Мне кажется, если я опишу его полностью, я пойму, что он такое. И тогда я смогу...»

Запись оборвалась. Шорох сменился тишиной, такой глубокой, что Кирилл услышал бие-ние собственного сердца. Потом из динамика раздался другой голос — молодой, быстрый, испуганный:

«Это Кремер. Я прослушал запись Селиванова до конца. Я понял, что он пытался сделать. Он не просто описывал объект — он пытался с ним договориться. Дать ему имя, чтобы ограничить его. Но объект не ограничивается именем. Он использует имя как точку входа. Когда Селиванов назвал его Собеседником, объект стал Собеседником. И начал говорить.

А когда он начал говорить, он вынул из Селиванова всю его жизнь. Всю. До дна. Я прослушал запись дальше — там ещё два часа, но я не могу заставить себя их переписать. Селиванов рассказывает объекту всё. Про жену, про сына, про то, как он в детстве утопил котёнка, про то, как он украл деньги у сослуживца, про всё. Он не может остановиться. И объект слушает. Не перебивает. Просто слушает.

А потом... потом Селиванов замолкает. И на записи тишина. Двадцать минут тишины. Потом голос — но это не Селиванов. Это что-то, что говорит его голосом. Оно говорит: “Спасибо. Я запомнил. Теперь я — это ты. А ты — пустота”. И всё. Конец записи. Селиванов после этого прожил ещё неделю, но он уже не был Селивановым. Я не знаю, кем он был. Я не хочу знать. Я прячу эту катушку здесь. Тот, кто её найдёт, — не слушай дальше. Не повторяй его ошибок. Не называй объект. Не описывай его. Просто храни перечень и не лезь вглубь. Глубже — только они».

Запись закончилась. Диктофон щёлкнул, и катушка остановилась. Кирилл выключил его и посмотрел на Киру. Она сидела бледная, сжав губы, и в её разных глазах отражался свет фонаря.

— Он сказал «глубже — только они», — повторил Кирилл. — Кто «они»?

— Объекты, — ответила Кира. — Все восемнадцать. Кремер понял то, что мы только начинаем понимать. Перечень — это не список. Это лестница. Каждая ступень ведёт вниз. И где-то в самом низу — то, что связывает их всех. То, ради чего Перечень был создан. Или то, что создало сам Перечень.

Кирилл взял третью папку и открыл её. На листе, поверх предыдущей записи, теперь значилось новое сообщение — его собственным почерком, но написанное только что, без его участия: «Прослушана запись Селиванова. Контакт с П-02 углублён. П-01 активен. П-03 зафиксировала событие. Примечание: П-02 более не изъят из описания. Описание восстановлено в присутствии ответственного. Объект переходит в фазу слияния с П-01».

— Слияние, — прочитал Кирилл вслух. — Кремер предупреждал. Если описание будет найдено, обе позиции перейдут в фазу слияния. И оно начнётся прямо сейчас.

Кира встала и отряхнула колени.

— Тогда нам нужно уходить отсюда. Немедленно. Если слияние начнётся здесь, мы окажемся между двумя активными объектами.

Кирилл не спорил. Он сунул катушку с записью в рюкзак, взял третью папку — она всё ещё была тёплой, но уже не обжигала, — и они быстро вышли из лаборатории. Коридор, по которому они пришли, теперь выглядел иначе. Из провала слева больше не капала вода, но оттуда поднимался свет — ровный, зеленоватый, как от гнилушек, и вместе с ним поднимался шёпот. Множество голосов, очень тихих, но отчётливых, которые говорили одновременно и вразной, и единственное слово, которое Кирилл мог разобрать, было его собственное имя.

— Быстрее, — сказала Кира, схватив его за рукав.

Они почти бежали по коридору, но чем ближе был выход, тем плотнее становился шёпот, и тем ярче разгорался свет из провала. На последних ступенях Кирилл споткнулся и упал на одно колено. Рюкзак съехал с плеча, катушка выкатилась на пол, и когда он потянулся за ней, то увидел, что из провала поднимается дым — холодный, густой, с тем самым сладковатым запахом, который он впервые почувствовал в папке. Дым окутал его ноги, пополз вверх, и в дыму обозначилась фигура. Не человек. Не тень. Что-то, состоящее из множества голосов, и все они говорили одновременно. И говорили они голосом Кирилла.

— Не останавливайся, — прохрипела Кира, рванув его за воротник.

Кирилл схватил катушку и бросился к выходу. Они выскочили на ледяной воздух и, не оборачиваясь, побежали к забору. Дым вырвался из подвала вслед за ними, поднялся в воздух, смешался с ледяным дождём и опал серыми хлопьями, которые таяли, не долетая до земли. Когда они наконец остановились у станции, запыхавшиеся и мокрые, Кирилл обернулся.

Здание старого НИИ стояло тёмным силуэтом, но в одном из окон на первом этаже горел свет. Тот самый зеленоватый свет, который они видели в подвале. И в окне стоял человек. Он стоял неподвижно и смотрел в их сторону. Кирилл не мог разглядеть лица, но знал — знал с пугающей уверенностью, — что у этого человека лицо Селиванова.

В электричке Кира открыла свою папку — ту, что вела седьмую позицию, — и долго смотрела на страницу. Потом подняла глаза на Кирилла.

— У меня изменился статус, — сказала она. — Раньше было: «числится за отсутствующим». Теперь: «отсутствующий обнаружен. Начат поиск ответственного».

— Кто отсутствующий? — спросил Кирилл.

— Келлер. Иван Келлер. Тот, о ком говорил Филин. Но теперь там приписка. Мелко. «Ответственный за П-01 и П-02 является ключом к поиску». Это вы. Вы — ключ.

Кирилл откинулся на сиденье и закрыл глаза. Ему нужно было переварить всё, что случилось. Описание второй позиции восстановлено. Слияние началось. Первый объект — его собственный — больше не ждёт. Второй объект — собеседник, зеркало, которое говорит его голосом, — больше не заперт. Третья позиция пишет протокол всего происходящего. А где-то на горизонте маячит четвёртая, которая, как он помнил из записей Антонова, называется «вещь, требующая свидетеля». И если верить схеме, она активируется следующей.

Он открыл глаза и посмотрел на своё отражение в тёмном окне вагона. Отражение смотрело на него, и в его глазах Кирилл увидел что-то, чего там раньше не было. Не страх. Не решимость. Что-то третье, чему он ещё не подобрал названия. И он не был уверен, хочет ли его подбирать.

Глава 4. Вещь четвёртая — требует свидетеля

Кирилл не поехал домой. Электричка пришла на вокзал в половине второго ночи, и когда они с Кирой вышли на платформу, он вдруг понял, что возвращаться в квартиру, где в ванной кто-то листает страницы, а воздух пахнет аптекой, ему не хочется. Кира, словно прочитав его мысли, сказала: «У меня есть место. Недалеко. Там нас не найдут». Он не спросил, кто именно не найдёт, — ответ был очевиден.

Местом оказалась старая коммуналка на Таганке, в доме с лепниной и треснувшим фасадом. Кира открыла дверь ключом, который достала из-под половика, и провела его в небольшую комнату с высоким потолком и окном, выходящим в колодец двора. В комнате стоял диван, стол, заваленный бумагами, и несколько стеллажей с папками. Пахло кофе, пылью и всё тем же сладковатым запахом, который Кирилл теперь чувствовал повсюду, — но здесь он был слабее, почти неощутимым, словно место было защищено.

— Это моя рабочая квартира, — сказала Кира, снимая пальто. — Здесь я веду записи. Бюро не знает о ней. Куратор тем более. Можете лечь на диване. Я всё равно не сплю по ночам.

Кирилл не стал спорить. Он снял ботинки, лёг, не раздеваясь, и провалился в сон — тяжёлый, без сновидений, как проваливаются в яму, которую не заметил под снегом.

Разбудил его свет. Яркий, бьющий в глаза, хотя окно выходило во двор и солнце туда не попадало. Он сел на диване и увидел, что свет исходит от третьей папки — той, что «существует только в перечне». Она лежала на столе, раскрытая, и от неё поднималось ровное, зеленоватое свечение, как от лампы дневного света. Кира уже сидела за столом и смотрела на лист.

— Что-то новое? — спросил Кирилл, вставая.

— Четвёртая позиция, — ответила Кира, не отрывая взгляда. — Третья папка зафиксировала её активацию. Вот, читайте.

Она развернула папку к нему. На листе, поверх предыдущих записей, теперь значилось: «Объект П-04 — требует свидетеля. Статус: активирован в результате слияния П-01 и П-02. Требование: свидетель должен явиться добровольно. Время на принятие решения: 24 часа. При отказе свидетеля объект переходит в принудительную фазу. Принудительная фаза необратима. Ответственный: Сомов К. А. Рекомендация: найти свидетеля».

— Какого свидетеля? — спросил Кирилл. — Я должен кого-то привести?

— Не кого-то, — сказала Кира. — Себя. Четвёртая позиция требует свидетеля, но не для себя. Для вас. Вернее, для того, что происходит с вами. Посмотрите на формулировку: «свидетель должен явиться добровольно». Это значит, что кто-то должен увидеть то, во что превращаются П-01 и П-02 после слияния. И этот кто-то — не вы. Вы уже ответственный. Вам нужен кто-то другой. Кто-то, кто ещё не втянут в Перечень.

Кирилл потёр лицо ладонями. Он чувствовал, как внутри нарастает глухое раздражение — не на Киру, не на ситуацию, а на сам Перечень, который раз за разом подкидывал новые условия, не объясняя правил.

— У меня нет никого, кто мог бы стать свидетелем. Все, кого я знаю, либо в Бюро, либо исчезли. Вы — ответственная за седьмую позицию. Куратор — за восьмую. Филин вообще на пенсии. Кого мне привести?

Кира отодвинула папку и посмотрела на него своим странным, разнофокусным взглядом.

— Есть один человек. Он не работает в Бюро. Он вообще не имеет отношения к Перечню. Но он знает о его существовании. Он — бывший следователь, который вёл дело об исчезновении Антонова. Его зовут Доронин. Глеб Доронин. Десять лет назад он пытался понять, куда пропали сотрудники Бюро. Он докопался до Перечня, но ему закрыли доступ. Уволили из

органов. С тех пор он живёт в области и ни с кем не общается. Но если кто-то и согласится стать свидетелем, то это он. Потому что он до сих пор хочет узнать правду.

— Вы уверены, что он согласится? — спросил Кирилл.

— Нет. Но у вас есть сутки. Если не найдёте свидетеля, объект перейдёт в принудительную фазу. А что такое принудительная фаза, я не знаю. И не хочу знать.

Кирилл встал и подошёл к окну. Двор-колодец был темен и пуст, и только в одном из окон горел свет — тусклый, жёлтый, как свеча. Где-то за стеной гудел лифт. Он думал. Доронин. Бывший следователь. Человек, который уже однажды столкнулся с Перечнем и уцелел. Если он согласится, четвёртая позиция получит свидетеля, и слияние, возможно, станет контролируемым. Если откажется — случится то, о чём предупреждала папка.

— Как его найти? — спросил он.

Кира выдвинула ящик стола, порылась в бумагах и достала визитную карточку, пожелтевшую по краям.

— Вот. Адрес в Домодедове. Это старый контакт. Я никогда ему не звонила, но Филин сказал, что он ещё жив. Поезжайте. А я останусь здесь и попробую узнать больше про слияние. У Филина должны быть записи — я ему позвоню.

Кирилл взял визитку. На ней значилось: «Доронин Глеб Витальевич, старший следователь по особо важным делам», и адрес в посёлке Востряково. Он сунул визитку в карман и направился к двери.

— Кирилл, — окликнула его Кира. — Когда будете у него, не говорите лишнего. Он десять лет ждал, чтобы кто-то подтвердил то, что он тогда нарыл. Если вы дадите ему слишком много сразу, он может не справиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.